

Автор рецензируемой работы Ласло Хонти, хорошо известный международной научной общественности финноугровед широкого профиля, выпустил в свет монографию об уральских числительных. Книга со столь общим названием, как "Основные числительные уральских языков", может быть почти беспредельна по охвату проблем, касающихся числительных, — от рассмотрения чисто лингвистической проблематики (этимологии числительных, способы их образования, ряды, вопросы типологического характера и т.п.) и до культурологических проблем, таких, как магия числа, символика чисел, происхождение древнейших систем счисления, возникших в результате появившейся у людей в глубокой древности потребности считать. Однако, хотя оба аспекта (собственно лингвистический и культурно-исторический) и попали в поле зрения автора, в основном работа посвящена выяснению этимологий числительных в уральских языках и синхронному описанию структур уральских числительных (преимущественно *cardinalia*).

Монография имеет четкую четырех-частную композицию, завершаемую небольшим пятым разделом — Заключением; книга снабжена богатым справочным материалом, о котором будет сказано особо, и огромной библиографией.

Во вводной главе 1 (с. 19–41) Л. Хонти говорит о раннем проявлении интереса к числительным у исследователей языков уральской семьи, пишет о времени возникновения числительных (как предполагают, это произошло еще в первобытном обществе древнекаменного века в период позднего палеолита; потребность в счете была связана с количественным ростом разного рода действий человека в процессе его производственной деятельности). Он рассматривает числительные как языковую категорию, упоминает о словах, выполняющих функции нумеративов в языках мира. Л. Хонти обращает внимание на наличие частых фонетических аномалий у числительных, что затрудняет их этимологизацию и одновременно дополнительно подталкивает лингвистов к проведению этимологического анализа числительных, которые давно используются языковедами для доказательства языкового родства.

В главе 1 Л. Хонти рассматривает также кратко магию чисел, говорит о соотношении систем чисел и систем числительных. Параграфы, в которых идет речь о магии чисел и о

соотношении числовых систем и систем числительных, невелики по объему (с. 37–41), но их краткость легко восполняется подробным и интересным комментарием в конце монографии (примечания 32–40 дают сведения о числовой символике в европейской и восточной традициях, о появлении основных чисел, о символике четных и нечетных чисел, о появлении троичности и четверичности, от суммы которых возникает семеричность, а из их умножения — двенадцатиричность, и т.д.).

В главе 2 (с. 42–47) обсуждаются все возможные способы образования разных числительных (способ мультипликативный, аддитивный, субтрактивный и др.).

В параграфе 2 данной главы (с. 46–53) Хонти, занимаясь типологическим сравнением большого количества уральских числительных, пытается найти некий инвариант, лежащий в основе системы числительных уральских языков. Здесь рассматриваются различные точки зрения на предполагаемые древние системы счисления уральцев (от шестиричной системы счета до десятиричной и даже двадцатиричной), анализируются различные теории существования той или иной системы счисления в языках-основах разных прагрупп уральских языков. Однако слишком большое количество реликтов в системах числительных не позволяет определить такой инвариант в языке-основе — единую для всех прауральцев систему счета.

В той же второй главе автор попытался теоретически обобщить установленные на практическом материале структурные типы основных количественных числительных в уральских языках. На с. 62–67 даны графы (деревья), в которых настораживает обилие признаков (10 и более), не всегда четко разграниченных и объясненных. В исходе получено неоправданно много конструкций числительных, проиллюстрированных затем примерами (с. 68–69), взятыми из разных синхронных срезов и разных диалектов. Так, для селькупского языка под № 49 (с. 69) приводится пример из Кастрена: *kööden köt ton* — 1000 (видимо, здесь опечатка: должно быть 10 000). В настоящее время 10 000 у тазовских селькупов будет *köt tyšša* или *tyšša köt* (ср.: в южных диалектах 1000 — *mōm kōm*, у тазовских селькупов *köt iōn* или заимствование из русского языка *tyšša*). При структурировании числительных Хонти ставит в один ряд данные современные и прошлого века во всех диалектах и даже формы под звездочкой, т.е. праформы, и те — без хронологизации

языка-основы. Таким образом, основной метод при установлении структурных типов – ахронический (или панхронический), что приходит в явное противоречие с разделением монографического исследования на собственно историческую (этимологическую) часть (глава 3) и синхронную (глава 4), хотя одновременно автор указывает, что числительные претерпевают фонетико-грамматическую деформацию в ходе времени, что можно наблюдать на материале современных языков, например, финского.

Последний параграф второй главы посвящен анализу порядковых числительных.

Глава 3 (с. 75–137) представляет собой этимологический словарь числительных с интересными комментариями автора. Здесь подробно описаны все возможные этимологии уральских числительных, встретившиеся у разных авторов, тщательно им прокомментированные, иногда отвергнутые и замененные собственными.

В главе 4 (с. 137–220) по единому плану даются современные числительные каждого уральского языка и его диалектов в синхронии, иногда с указанием на возможные варьирования числительных, например, для финского языка, на их структуру (там, где это представляет интерес), т.е. отмечается, будет ли числительное образовано путем сложения, вычитания, умножения и/или каким-либо другим способом, иными словами, используются те теоретические схемы, о которых шла речь в главе 2. Сначала приводится перечень числительных до 10, затем числительное 10, названия десятков и числительных между десятками, 100, 1000. Автор говорит о замене собственно финноугорских слов иностранными, заимствованными из других языков. Последнее связано с тем, что в языках уральцев число 10, например, выражалось некоторыми словами с конкретными значениями – символами предметов; для выражения же абстрактного числового понятия лучше было воспользоваться абстрагированными словами из других (часто не родственных) языков.

Материал, отражающий 75 диалектов двух дюжин уральских языков, собран автором по многочисленным источникам, т.е. получен из вторых рук – из книг, статей словарей (за исключением, видимо, хантыйского языка, крупным знатоком которого в настоящее время является Л. Хонти). Весь материал помещен в приложении на с. 271–317. Источники не всегда равноценны, кроме того, количество источников по каждому отдельно взятому языку или его диалекту колеблется от 1 до 11. Материал, полученный из одного единственного источника, нередко оказы-

вается более чем столетней давности и, естественно, не отражает современного состояния языка, хотя, по словам автора, в работе (глава 4) дается синхронный анализ материала. По единственному источнику анализируются числительные некоторых диалектов селькупского языка, причем в этом случае, как и в ряде других, не различаются диалекты и говоры (например, натско-пумпокольский, иначе – верхнекетский, карасинский, байшенский говоры селькупского языка в отличие от тазовского диалекта и т.п.). Та же картина – в канинском и ямальском диалектах ненецкого языка, в малмыжском и уржумском диалектах марийского языка, в лифляндском диалекте ливского языка, имеющего по переписи 1989 г. всего 226 носителей; в ряде диалектов зырянского, саамского языков. Максимальное число источников (11), откуда черпался материал по числительным, имеет мансийский язык. Источники относятся к различным временным срезам – от XVIII в. до последних десятилетий XX в. За этот значительный период времени неоднократно менялись установки на то, что считать языком, что диалектом; выделялись новые диалекты, менялись названия языков и диалектов, наконец, что особенно важно, некоторые языки на территории бывшего Советского Союза разрушались, забывались их носителями. Это, к сожалению, никак не учитывается в работе, в связи с чем порою возникает неясность в идентификации языков и диалектов. Например, выделяется эрзянский и мокшанский диалекты мордовского языка, хотя в настоящее время принято говорить о двух различных языках со своими диалектами; единым, видимо, считается в рецензируемой работе коми язык, в котором выделяются диалекты пермяцкий, среднесысольский (вместо средне- и верхнесысольского), ижемский, восточно-пермяцкий (возможно, имеется в виду коми-язьвинское наречие, по многим чертам сближающееся с оньковским и нижнеиньвенским диалектами южного наречия, – распространенный в северо-восточной части Пермской области язык красношерских пермяков) и др. Такие же расхождения наблюдаются в диалектном членении современных самодийских языков, в результате чего не всегда удается распознать диалект, из которого почерпнут материал. Автор пишет о многочисленных диалектах единого саамского языка, в то время как сейчас нередко говорят об 11 саамских языках. То же самое можно сказать о языках вымерших: вместо названных в монографии 6 мертвых языков в настоящее время принято говорить о языке камасинском с койбальским диалектом и маторско-карагасско-тайгийском с тремя

соответствующими диалектами. Все эти различия объясняются, как уже отмечалось, обращением к работам разных лет, когда в разные периоды разными исследователями выделялись различные языки и диалекты, иногда теперь с трудом идентифицируемые. Подобных трудностей можно было бы избежать, если бы автор дал генетический указатель с синонимичными наименованиями лингвонимов. Отсутствует и историческая стратификация материала: вперемешку дается устаревшее с новым и новейшим.

В Заключении (с. 221–228) подводятся итоги этого кумулятивного издания. При использовании данной монографии как справочника необходимо учитывать авторское невмешательство в собранный им из вторых рук материал, из-за чего возможны неувязки, расхождения с трактовками автора.

В рецензируемой работе имеется значительный по объему и достоинству научный аппарат. Так, очень интересны 212 примечаний (с. 229–270), в которых приводится много цитат из проштудированных работ, даются дополнительные сведения не только об уральских языках, но и о языках других генетических групп.

Затем следует (с. 271–317) полный список материала, т.е. сами числительные, расположенные по языкам и их диалектам, о чем уже говорилось, с отсылкой на источники, откуда числительные взяты. Автор пользуется старыми наименованиями языков: вогульский (вместо мансийский), остяцкий (хантыйский), черемисский (марийский), юрацкий (ненецкий), енисейско-самоедский (энецкий) и др., но одновременно селькупский. По данному приложению-списку сразу видно, что все сведения, например, о южном диалекте эстонского языка Л. Хонти черпал из научной литературы XIX в., а сведения о мордовских языках – новые, 60–80-х гг. XX в., за исключением работы Паасонена (1909 г.), и т.д.

Библиография включает более 900 работ (с. 318–351). Основная масса литературы – работы после 50-х гг. нашего века (до 1991 г.), которые составляют 56% всей использован-

ной автором литературы. Работы, охватывающие период до XX в., составляют 15% всей библиографии, а статей и монографий первой половины XX в. – 29%.

Завершает работу список сокращений языков, диалектов, библиографических изданий.

Как уже отмечалось, в книге представлен материал, самоотверженно, скрупулезно собранный Л. Хонти по крупицам из самых разнообразных источников, часто не доступных лингвистам, по крайней мере, в нашей стране. Рассматривая материал под каким-нибудь определенным углом зрения, переконфував его, как того потребует какая-либо другая задача, можно получить много новых сведений об уральских числительных: например, можно проследить исторические изменения систем числительных от XIX в. (иногда – от более раннего периода) до наших дней; выяснить, дав статистическую обработку материала по способам образования числительных, какие структурные типы или их смешения преобладают в уральских языках, есть ли вариативность в образовании ряда числительных; в каких языках и какие имеются индивидуальные типы числительных, аномалии и на каком уровне их больше – на фонетическом, морфологическом; какова общая тенденция изменения системы числительных и в каком направлении оно идет – в сторону эллиптичности, усечений и т.п. в каждой группе числительных (начальные числительные, названия десятков и проч.). Наконец, внимательное прочтение всех приведенных трактовок разных лингвистов по множеству вопросов, которые затронул автор в монографии, позволит установить происшедшую смену парадигм в изучении уральских языков вообще и числительных в частности.

Данная книга ценна именно как максимально полный справочник по числительным уральских языков. Это – первое и единственное издание такого рода, в котором давно ощущалась большая потребность.

А.И. Кузнецова